

МИХАИЛ ВОРОНОВ

БРАТЯ-РАЗБОЙНИКИ

Михаил Алексеевич Воронов

Братья-разбойники

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9459581

Аннотация

«Годы моего детства, шумного и обильного разными треволениями, я провел в С., большом, богатом и торговом приволжском городе. Многое, что относится к этим годам, разумеется, теперь уже стерто временем и безвозвратно улетело из памяти; но многое еще живет крепко и, как бы что-то происшедшее вчера лишь или третьего дня, так и носится перед глазами. Так, например, прежде всего хорошо помнится мне наш старый дом, какой-то своеобразной, странной архитектуры, высокий-высокий и узкий такой, с высокою же, крутою и почти остроконечною кровлей и крохотными, точно подслеповатыми, окошками, более похожий на какую-нибудь сторожевую башню или на солдатскую будку больших размеров, чем на обыкновенный жилой каменный дом, какие мы привыкли видеть теперь...»

Содержание

I	8
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Михаил Воронов

Братья-разбойники

Годы моего детства, шумного и обильного разными треволениями, я провел в С., большом, богатом и торговом приволжском городе. Многое, что относится к этим годам, разумеется, теперь уже стерто временем и безвозвратно улетело из памяти; но многое еще живет крепко и, как бы что-то происшедшее вчера лишь или третьего дня, так и носится перед глазами. Так, например, прежде всего хорошо помнится мне наш старый дом, какой-то своеобразной, странной архитектуры, высокий-высокий и узкий такой, с высокою же, крутою и почти остроконечною кровлей и крохотными, точно подслеповатыми, окошками, более похожий на какую-нибудь сторожевую башню или на солдатскую будку больших размеров, чем на обыкновенный жилой каменный дом, какие мы привыкли видеть теперь. Кроме этого дома, в глубине двора, как теперь вижу, стоит не менее странный флигель, словно нарочно, в противоположность дому, низенький, расплывшийся во все стороны и в довершение всего – кособокий. Помню, например, наш маленький сад, то есть огороженное частоколом место в несколько квадратных сажен, почему-то названное этим громким именем, место, на котором высился, кивая сухими ветвями, старый, дуплистый вяз, торчали две-три акации, запыленные и объединенные коровой, и

росла, счетом, одна яблоня, а на этой яблоне, счетом же, выросло десять кислых и терпких яблок в год. О, эти коварные яблоки раздора! С каким нетерпением, помню, ждали мы хорошего, крепкого ветра, который сбил бы их прежде времени и дал бы нам случай ими полакомиться. Но ветра нет как нет... И вот вспоминаются мне трудные походы за этими соблазнительными, хотя и кислыми яблоками, точно за золотым руном, в темные июльские ночи, под сотнями самых разнообразных страхов и с риском быть пойманными и жестоко высеченными двуххвосткой. Ай-ай, и памятна же мне эта чертовская двуххвостка! Какими злодейскими вензелями, бывало, исписывала она наши детские спины за самую пустяшную провинность! А вот и знакомая крутая, почти вертикальная лестница, ведущая из сада на крышу нашего старого дома. Не взобраться ли нам по ней, благо утро так обольстительно-прекрасно, да и бояться теперь некого, потому что отца нет дома? И вот мы разом наверху. Какая картина! Видите вон то необозримо-громадное зеркало вод, широко раскинувшихся направо и налево? Это – Волга... Вон, далеко-далеко, бьется и борется с быстротой течения пароход, таща за собою целый караван, целый десяток подчалков. А эти белые гуси или лебеди, распутившие крылья на воде, это – суда,двигающиеся под парусами; а те черные точки, что как мухи ползают вдоль и поперек зеркала, по разным направлениям, это – рыбацьи лодки. А вон, по окраинам зеркала, по тому и другому берегу, весь этот необозримый

лес – все это мачты высятся, все это суда стоят. Но, чу! что это за топот слышится на улице? Как бы нам не ввалиться в беду? Сойдемте поскорее, это, должно быть, отец. И действительно, вот он въезжает в ворота, верхом на высокой, костлявой, буланой башкирской лошади, гривастой, большеголовой и горбоносой. Отец, по обычаю, мрачен и бросает суровые взгляды направо и налево, как бы отыскивая, к чему бы придраться. Впереди всадника перекинут через седло большой мешок, а сзади второчены разные небольшие кульки и торбы, – все это означает, что отец вернулся с базара, где он закупал провизию. На крыльце флигеля, вижу я, отца встречает маленькая, худенькая женщина, с какою-то печатью покорности и тихой грусти на добром лице – это наша мать... Живо вспоминаются мне и глухие осенние вечера, когда отец с матерью уезжают куда-нибудь в гости и когда мы, дети, остаемся дома одни; когда на дворе бушует ветер и злится и назойливо рвется в ставни, словно и сердится, и плачет, и молит: «пусти-и! пус-ти-и!», когда в детскую душу невольно забирается какой-то безотчетный страх, и все мы сбиваемся в плотную кучу вокруг старой няньки: жужжит веретено, бесконечная тянется нитка, и, как эта нитка, такая же, кажется, бесконечная тянется заманчивая сказка няни о какой-нибудь вечно новой *жар-птице*, о какой-нибудь *царевне Милонеге* или о чем-нибудь подобном.

Таким-то детским воспоминаниям я хочу посвятить мой настоящий рассказ, стараясь, по возможности, точно и прав-

диво воспроизвести все то, что через много лет удержалось еще в моей слабой памяти. Если читатель найдет в моем рассказе много странного, даже маловероятного – пусть не смущается и не заподозревает автора в преувеличениях, но пусть порадуетя вместе со мною, потому что это будет означать только, что детская жизнь за последние годы значительно улучшилась и вышла из того русла, в котором билась она в наши дни. Напротив, было бы слишком грустно узнать, что и теперь еще все идет по-старому и что мои воспоминания для многих будут не более, как картиною их настоящей жизни. Да, это было бы вполне грустно... обидно!

I

Отец мой был отставной офицер, после долгой военной службы снова поступивший на службу же, но на этот раз – гражданскую. Уже одно такое вторичное поступление на службу ясно показывает, что мы были люди далеко не богатые; но если еще к этому прибавить, что нас, детей, было в семье восемь человек, то всякий поймет, что родителям моим жилось не совсем легко и что подумать им было-таки о чем. Разумеется, при такой массе детей и при весьма небольших отцовских средствах не могло быть и помину о разных детских приставниках и надсмотрщиках, гувернерах и гувернантках, – каждый карапуз, как только сползал с рук няньки, вставал на ноги и осмеливался высовывать свой нос за порог жилья, на двор, где так ласково играло солнышко, где кудахтали куры и звонко голосил горластый петух, – каждый, говорю, тогда уже должен был заботиться о себе сам. Потому почти никогда не случалось, чтобы карапуз, порезавший себе палец, или карапуз, набивший на лбу шишку, величиною с порядочную картофелину, распускал нюни и бежал с подобными болячками к несуществующим защитникам и покровителям, – нет, каждый такой пострадавший прежде всего отыскивал тряпку, чтобы перевязать порезанный палец, или промышлял серебряную ложку и крепко, со слезами на глазах, тер ею ушибленный лоб, стараясь скрыть ушиб и разо-

гнать скопившуюся кровь.

Нас было четыре брата и четыре сестры. Помещались мы в доме отца таким образом: отец, мать и сестры жили во флигеле, а мы, мальчики, в половине нижнего этажа дома (верхний этаж и другая половина нижнего отдавались жильцам), в двух комнатках, из которых, впрочем, одну занимали кучера, так как должность отца была такого рода, что он непременно обязан был держать лошадей. Старший брат был значительно старше нас, остальных троих братьев, и ему был родителями поручен надзор за нами, состоявший приблизительно в том, что он ежедневно угощал нас горячими затрещинами или силой выпихивал из комнаты на двор, когда ему почему-либо казалось, что мы докучаем или мешаем ему. Этому старшего брата, признаться, мы и побаивались и в то же время порядочно-таки недолюбливали и, случалось, иногда, соединившись и сговорившись, нападали на обидчика, отчего происходил такой домашний Севастополь, после которого приходилось мало того что тереть лбы серебряными ложками, но еще и добывать иголки с нитками, потому что подобные битвы всегда оканчивались полнейшим разрушением нашего детского туалета. Впрочем, такие Севастополи случались очень редко, так как брат был не без хитрости и не нападал сразу на троих, а тузил нас поочередно, умея как-то ловко поселять между нами рознь и раздор.

– А! что? Наелся? наелся? – красные, как вареные раки, и едва переводя дух от усталости, дразнили мы брата по окон-

чании битвы.

– Ну, да ладно, ладно! Еще посмотрим, кто наелся!

– Сюртучишко-то, смотри-ка, весь изорвали, – продолжали мы дразнить.

– Сюртучишко-то – ничего. А вот у Ваньки шишка-то какая на лбу, – вот это как?

– Э, брат! шишка-то пройдет; а вот, как ты с рваным сюртучишком-то покажешься папеньке?

– Что же? Я так и скажу, что вы изорвали.

– А мы про тебя скажем, что ты на нас рубашки разорвал. Что-о? Э! э! – высовывали мы языки.

– Еще вы-то когда скажете, а я вот так сейчас пойду, – выведенный из терпения, провозглашает брат и, вскочив с места, бежит жаловаться отцу.

Мы, разумеется, тотчас же принимаем свои меры, чтобы не быть застигнутыми врасплох, то есть, проще говоря, выскакиваем из комнаты и стремглав шарахаемся кто на двор, кто на чердак, кто куда, лишь бы только спрятаться от отца, который неминуемо сделает визит, да еще вместе со столь ненавистной нам двухвосткой.

Но если мы не любили старшего брата и не дружили с ним, то зато мы трое жили между собою, что называется, душа в душу. У нас было все общее: радости и огорчения, затеи и планы, игрушки всякого рода, лакомства и, наконец, деньги... то есть те скудные гроши, которые дарили нам родители в большие праздники и в дни именин. Особенно

сближали нас между собою игрушки, которые мы должны были мастерить и приобретать сами, так как готовых игрушек родители нам никогда не покупали. И вот, например, в ростепель мы сооружали целую флотилию, состоявшую из нескольких судов и нескольких лодок. Разумеется, для того чтобы создать такую флотилию, сил одного человека было недостаточно, потому – работали сообща: один долбил дерево, другой ладил мачты, паруса, весла и рули, третий смолил, красил, оснащивал и т. д. Кроме того, для того чтобы наш маленький флот походил на флот настоящий и действовал, нужно было отводить и спускать воду, рыть канавы, запруживать, ставить плотины, – словом, нужны были силы нескольких работников; а такая совокупность сил была возможна лишь при той дружбе, какая связывала нас и делала общими наши интересы. Беда, бывало, если какой-нибудь не в меру усердный кучер, думая поскорее очистить двор, несколькими ударами пещни или лома разрушал все эти хитрые наши водные сооружения! О! тогда мы вставали, как один человек, и нападали на разорителя, если не с яростью рассвирепевших львов, то, во всяком случае, с ожесточением обозлившихся петухов – били его руками и ногами, бодали головами, щипали, рвали зубами и проч. То же самое бывало, когда кто-нибудь из нас отпраплялся на чужой двор играть в бабки с соседскими мальчиками, причем тащил с собою наше общее достояние – мешок с бабками, *плиту* (сердцевидный кусок железа – одна из принадлежностей игры), *налитки* (баб-

ки, налитые свинцом), *ядро* и *чугунку* (тоже принадлежности игры), – и при этом кто-нибудь осмеливался посягнуть на такое наше общее достояние, – стрелой тогда по первому зову летели мы на выручку обиженного брата, разрушая все попадавшееся на пути и не раньше возвращались домой, как отбивши свой мешок да прихватив еще, кстати, в виде трофея, и всякую постороннюю движимость, подвернувшуюся под руку, от бабок до детских шапок включительно. Но особенными треволнениями сопровождалось всегда приготовление и запускание бумажного змея – забава, которую можно было позволять себе нечасто и притом при обстоятельствах, особенно благоприятствовавших такому запусканью. Прежде всего, для такой забавы требовался довольно многосложный материал, как-то: бумага, драница, клей и нитки; потом, чтобы из этого материала приготовить змей, требовалось место, так как в комнате, в которой мы жили, клеить змей нам не позволил бы старший брат, в других же местах нам нужно было избегать зоркого глаза отца; затем, для того чтоб змей поднялся на требуемую высоту, нужен был достаточно сильный ветер; кроме того, чтобы иметь возможность запустить змей, нужно было еще выбрать такое время, когда отца не бывает дома; наконец, и запустивши-то змей, опять нужно было зорко следить за ним, нужно было всеми силами стараться уберечь его от соседних мальчиков, имевших обыкновение всякий такой змей *перекидывать*, то есть набрасывать тяжесть на нитку, на которой ходит змей, и затем

притягивать его к себе. Вообще, вся эта хитрая и сложная процедура изготовления и запуска примерно шла таким образом, если только представить ее во всей ее полноте.

– Максимушка, а Максимушка! слышишь, миленький, какой ветер-то начинается? – задумавши пустить змей, с ласковым вопросом приступали мы к кучеру Максиму, несколько приглуповатому, но необыкновенно добродушному мужику, охотно помогавшему нам во всех наших затеях.

Максим не сразу поддавался на наши ласковые речи, но предварительно ломался, чувствуя, что в нем заискивают.

– Ну, и пущай его! – коротко отрезывал он.

– Вот бы змей-то запустить? – как-то нерешительно пытались мы Максима.

Глупый кучер ломался еще более.

– А мне что? кому охота – запускай!

– Ты сердисься на нас, Максимушка?

Максим нарочно хмурился и молчал.

– Да-а? – настаиваем мы.

– Обнаковенно.

– За что?

– А за то... за хорошие ваши дела, – вот за что! – глядя в сторону, бормотал Максим.

– Разве я тебя обидел? Разве я тебя обидел? – приступал я к суровому Максиму, не чувствуя за собой никакой вины.

– А я? А я? – выступает за мною средний брат, Иван.

– Не об вас речь. Тут вас, обиждателев-то, прорва: кто обидел, тот схоронился, да и молчит.

Слова Максима попадают прямо в цель.

– Врешь, я тебя не обижал, – врешь, врешь! – с азартом выдвигается тогда вперед младший брат, Семен, худенький, маленький, с белыми, как лен волосами, ежом торчащими на голове.

– Как же не обиждал-то?

– Так и не обижал.

– Как же так?

– Да так. Не обижал, вот тебе и сказ. Не обижал, не обижал, не обижал!

Максим вместо ответа низко нагибается, спускает голенищу, долго что-то теребит свои широкие шаровары и наконец, оголивши ногу, показывает синяк.

– А это что? – торжественно произносит он.

– Врешь, это не я!

– Проси у него прощения, – советуем мы Семену.

– Вот еще!.. Буду я у какого-нибудь кучеришки поганого прощения просить, – держи карман!

– Нешто ты собака, этак-то кусаться? – продолжает свое кучер. – Да и пес, так и тот своего-то не рвет; а ты... гляди-ка, какой манер отыскал!

Семен сконфужен и некоторое время молчит.

– Ну хочешь, я тебе подарю камышовую дудку! – наконец надумывает маленький брат, желая хоть как-нибудь выйти

из неловкого положения и задобрить обиженного.

– Не надо мне твоей дудки.

– А она играет...

– Опостылел ты мне и с дудкой-то твоей, – бормочет Максим.

Но Семен непреклонен в своем намерении задобрить кучера игрушкой. Он на некоторое время выходит из комнаты и возвращается уже с дудкой. Ставши против Максима, маленький брат надувает щеки, как заправский музыкант, и начинает наигрывать что-то похожее не то на скрип двух-трех дверей,двигающихся на ржавых петлях, не то на визг собаки, которой прищемили хвост. Сердце Максима мало-помалу смягчается: сначала раздвигаются сурово сомкнутые брови, затем добродушие начинает светиться в глазах, и наконец мужик не может выдержать соблазна и ослабляется.

– О, ну те – заиграл совсем! – с улыбкой удовольствия произнес кучер, махнувший рукой и отворачивая рожу в сторону, точно стыдливая девка.

– Хочешь, я тебя выучу, Максимушка?

– Учитель!.. Станешь учить, еще другую ногу закусишь.

– Ну, полно, полно! – уговариваем мы Максима забыть обиду.

– Да-кась дудку-то!

Максим берет дудку из рук брата и долго не может приспособиться, попеременно извлекая из инструмента то какой-то храп, то звуки, напоминающие трение ножа об аспид-

ную доску. Мы, разумеется, сейчас же начинаем его учить, как и что нужно делать языком и губами; наконец Максим «вникает в дело», как говорит он, и выдувает что-то похожее на звук. Звук этот несказанно радует музыканта, и он повторяет его по крайней мере добрую сотню раз, до тех пор, пока самому не наскучит дудеть. Максим совсем размягчен.

– Максимушка! так как же змей-то? – пользуясь минутой, спрашиваем мы.

– Да ладьте, ладьте. Я что?.. Во мне не сумлевайтесь.

Мы с радостью набрасываемся на Максима и начинаем его мять и теревить. Такие заигрывания ему, видимо, нравятся, и Максим, как сытый кот, щурит глаза и бережно отводит нас от себя руками, нежно мурлыча: «О, ну вас! О, ну вас, раскошватили всего».

– Так, слушай, ребята, какое мое слово будет! – наигравшись с нами, решительно произносит Максим.

– Ну?! – в один голос откликаемся мы.

– Слушай, что я буду сказывать!

Мы слушаем.

– Перво-наперво следует заворотить нам, братцы, змей настоящий, а не то что как иные-прочие делают. А ладить мы его будем, ребята, утром, как только тятенька с лепортом уедет, и ладить будем – я так полагаю – на сеновале. Так или нет?

– А что же – и отлично! – хором соглашаемся мы.

– Лист бумаги, – продолжает Максим, – возьмем большой,

александрыцкий; а бумагу-то достанем у луковицынского барина, у ево этого добра много.

– Да даст ли он?

– Да-аст. Я ему наредни кобеля водил на реку купать, – дюжой такой кобель-то, что твой жеребенок, хоть верхом садись, так, идол, веревку из рук и рвет, – так он, барин-то, мне тогда еще сказал: «Сочтемся», – говорит.

– Ну?

– Ну... тпру! Не запрег, а уж поехал, – острит Максим.

– Ну-у, Максимушка!

– Ну, трухмалу на склейку ноне же оборудуем, драницы опять же от барина возьму – нитки, говорите, есть?

– Есть.

– Значит, ладно!

– А горб сделаем? – подробно допытываемся мы.

– И горб сделаем, и трещотки вяпаем, и бумажных зайцев потом по нитке пушать будем, – вот как!

– А еще что?

– А еще – ничего...

– Раскрасить бы его, змей-то.

– И то... Разе дьявола, что ли, на змею-то нарестовать? – подмигивает Максим.

– Нарисуй, Максимушка!

– А и то нарестовать?.. Настоящего дьявола-то обозначить: с рогами его, окаянного, пропишем, глаза красные, пузо желтое, из пасти язык высунем... хвост тоже – метлой...

Мы только прыгаем от радости, слушая Максимово изображение настоящего дьявола.

Подобные приготовления, или, лучше сказать, даже одни только разговоры о них, совершенно отравляют наше спокойствие. Целый день мы ходим в каком-то волнении, забывая о пище, и только и думаем, что о змее, только и следим всюду, что за одним Максимом: не несет ли он от луковичинского барина бумагу, не варит ли клейстер, не строгают ли драницы и проч. Не менее тревожно проходит и ночь: то, отягченные думами о змее, ворочаемся мы далеко за полночь с боку на бок и не можем заснуть; а утомленный уснешь, так сны начнут тебе сниться, в которых главным действующим лицом является опять тот же искуситель – змей. Видится нам, что и соседние-то мальчишки его перекинули, и оборвался-то он, и не поднимается-то от безветрия, и наконец, что отец-то его увидел, отнял у нас и разорвал его в клочья. С какой-то щемящей болью в сердце не раз просыпаемся мы, трем заспанные глаза, вскакиваем с кроватей, ловим руками неуловимое, спасаем, отбиваем что-то, и разве в конце концов получаем тяжеловесные затрешины от старшего брата, который, пробудившись и слыша наш безалаберный бред, думает этим путем привести нас в сознание.

Наутро мы просыпаемся ни свет ни заря и первый наш вопрос: «Где Максим?» Если мы не находим его в кучерской, то тотчас же спешим в конюшню.

– Максимушка! что же змей-то?

– О, ну вас к богу и с ним-то! Что это такое? Поднялись эвона, когда еще черти в кулачки не бились, сейчас: «Змей!» Дайте людям хоть зенки продрать; а то «змеи!».

Но нам брюзжание Максима ни к чему; мы неотвязчиво вертимся вокруг него и ждем не дождемся той счастливой поры, когда отец уедет с рапортом по начальству. Наконец вожделенный миг настает: Максим выводит лошадь из конюшни в каретник и начинает ее седлать. На всю эту процедуру мы смотрим сквозь щели в тонкой перегородке, отделяющей конюшню от каретника.

– Глядите, подпругу затягивает, – слышится шепот.

– Врешь, стремя отпускает! – перебивает другой детский голос.

– Ан, врешь, подпругу!

– Ну, смотри, смотри! Разве это подпруга?.. А еще споришь, дурак!

– Ну-ка, пусти-ка меня сюда посмотреть.

– Да, как же, так и пустил.

– Хорошо, я тебе это припомню, ежонок проклятый!

Раздается шлепок.

– Ванька! что ты дерешься, когда тебя не трогают, свинью? – вдруг прорезывает тишину громкий возглас.

– Ну, господа, уж вы дождетесь, что папенька услышит.

– А он зачем мою шелку занял?

– Врешь, она не твоя, я сам ее намедни проколупал.

Но завязавшийся было спор, к счастью, тотчас же и пре-

кращается, потому что мы видим, как Максим берет лошадь под уздцы и выводит ее к крыльцу флигеля. Скоро выходит отец, садится на коня и съезжает со двора, к великой нашей радости. Мы, разумеется, сейчас же впиваемся в Максима и по крутой лестнице лезем с ним на сеновал.

Я не буду рассказывать здесь следовавшую за всеми такими треволнениями длинную историю создания змея, историю, в которой, как всякий догадается, мы принимаем самое живейшее участие. Вся эта операция тянется, пожалуй, несколько часов, потому что по несколько раз приходится размеривать и соображать, то укорачивать, то удлинять, клеить и снова переклеивать, а потом еще разрисовывать, да подвязывать *пупцы* да *перепупицы*, да натягивать горбы, да устраивать трещотки, – словом, кто клеивал змеи, тот поймет, скольких хлопот стоит эта клейка, а кто не клеивал, тому сразу-то и не расскажешь. Ну, да как бы там ни было, но все-таки, долго ли, коротко ли, а змей слаживался. Правда, он всегда почти выходил несколько кривобок и достаточно-таки тяжеловат; правда, нарисованный на нем «настоящий черт» хотя и имел, по соображениям Максима, законные красные глаза, желтое пузо и хвост метлой, тем не меньше черт этот скорее походил на какую-то невинную рыбу, чем на известного врага и хитрого соблазнителя рода христианского, – ну да за этими мелочами мы не гнались: нам был нужен змей, и теперь он был у нас – вот и все!. Высушить склеенный змей – дело нескольких минут; стало быть,

теперь весь вопрос в том, как и когда запустить его?

Обыкновенно змей запускался между двумя и шестью часами, то есть в то время, когда отец отдыхал после обеда; лучшим же временем считалось то же послеобеденное время, но только когда отца совсем не было дома; летом же это случалось довольно часто, потому что отец имел обыкновение довольно часто ездить верхом за город, на арендуемые им сенокосные луга, где и оставался до поздней ночи. Запускался змей прямо на улице, так как во дворе было тесно, и запускал его сам Максим, а мы были только помощниками. Толпы зевак обоих полов и всех состояний и возрастов теснились вокруг нас и сопровождали криками одобрения или насмешками каждое удачное или неудачное восхождение змея кверху. Когда змей поднимался, как следует, и устанавливался, его переводили во двор и конец нитки Максим вручал кому-нибудь из нас (впрочем, в держанье этого конца строго соблюдалась чередовка, так как такое держанье считалось наивысшим удовольствием), причем другие двое в волнении бегали по улице и наблюдали, чтобы змей не был перекинут. Сам же Максим в это время взлезал на крышу дома и оттуда озирали всю окрестность, тотчас же давая нам знать о покушении, если только такое кто-нибудь замышлял где-нибудь.

– Трег-губихин Антошка перекидывает! – кричал с крыши Максим.

Мы стрелой летели к дому Трегубихи, и если ее Антошка

не прятался вовремя, то ему приходилось плохо.

Только что мы разделялись с Антошкой и возвращались домой, как снова раздавался тревожный крик дозорного.

– Га-анька кучерявый!..

Открывался новый поход против Ганьки кучерявого, нередко сопровождавшийся такой свалкой, в которой только ключья летели с обеих сторон.

– И что же это за разбойники! – диву давались соседские бабы. – То есть, кажется, с этим своим змеищем поганым сколько они народу перепятнают, так просто видимо-невидимо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.